

Рецензия на кн.: Analysing social policy concepts and language. comparative and transnational perspectives, ed. by D. Beland, K. Petersen Bristol: Policy press, 2015. 327 P. («Анализ концепций и языка социальной политики. Сравнительные и транснациональные подходы» под ред. Д. Беланда И К. Петерсена)

Review of the book analysing social policy concepts and language. Comparative and transnational perspectives, ED. BY D. Beland, K. Petersen. Bristol: Policy press, 2015. 327 P.

Смирнова Александра Александровна,
преподаватель, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, alexandrasmirnova11@gmail.com

Smirnova Alexandra,
Lecturer,
Department of World History, Political Science and International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, alexandrasmirnova11@gmail.com

В последней четверти XX в. изучение языка и концепций, используемых в различных сферах жизни, стало привлекать все более пристальное внимание представителей общественных наук. Все чаще признается связь между идеями, языком, властью и управлением обществом. Еще одной тенденцией, сохраняющейся уже многие десятилетия, являются исследования, преодолевающие дисциплинарные рамки для формирования более полного понимания социальных явлений. Представленная книга соответствует этим тенденциям.

В 2014 году издательство «Policy Press» опубликовало коллективную монографию, главным замыслом которой стало развитие новой исследовательской повестки дня — сравнительного анализа языка социальной политики. В 16 главах этой книги анализируется история развития наиболее популярных терминов и концепций социальной политики в 14 странах ОЭСР, находящихся в четырех регионах мира (Европа, Северная Америка, Азия и Австралия). Отдельное внимание уделяется вкладу в развитие дискурса о социальной политике международных организаций — ОЭСР, ЕС, МВФ и Всемирного банка. В заключительной главе содержатся выводы о закономерностях развития концепций и языка социальной политики, а также даются рекомендации для дальнейшего изучения этой темы.

Написанием этой книги занимался международный коллектив из 22 авторов, а в качестве редакторов выступили Дэниел Беланд и Клаус Петерсен. Д. Беланд является профессором кафедры общественной политики им. Джонсона-Шойамы университета провинции Саскачеван, а также участником программы профессоров-исследователей Канады (Canada Research Chairs Program (CRCP)). В настоящее время он специализируется на изучении исторического развития социальных программ и компаративных исследованиях социальной политики. К. Петерсен — директор Центра изучения социального обеспечения университета Южной Дании. В сферу его научных интересов входят семейная и пенсионная политика, политическая история Северных государств, а также сравнительные исследования термина «государство всеобщего благосостояния» (welfare state). На момент написания книги все авторы имели публикации, посвященные социальной политике, многие проводили собственные компаративные исследования. Большинство членов авторского коллектива специализируется на социологических и политологических исследованиях, однако некоторые из них занимались изучением социальной политики с точки зрения истории, политэкономии, мировой политики, гендерных исследований и методологии

сравнительных исследований. При этом, поскольку над большинством глав трудилось более одного автора, излагаемый материал сбалансирован и разнообразен.

В начале книги авторы заявляют о том, что исследователи нередко жалуются на расплывчатость терминов, связанных с социальной политикой. Это, в частности, касается такого понятия как «государство всеобщего благосостояния» (welfare state). Авторы книги согласны с другими современными исследователями в том, что термины, концепции и метафоры, используемые для коммуникации в сферах общественной жизни, являются результатом политической борьбы и международного обмена идеями. Поэтому изучение терминологии, концепций и языка социальной сферы является значимым элементом политического анализа [1; 1]. Они отмечают, что современные исследования, как правило, фокусируются либо на идеях, либо на проблемах терминологии, либо на истории концепций. В книге предпринимается попытка объединить эти три подхода. Более того, авторы настаивают на том, что исследование идей и языка социальной политики не должно быть ограничено одной дисциплиной или одним теоретическим подходом.

Поэтому авторы формулируют общий посыл исследования — «слова имеют значение» [1; 4] — и договариваются под языком социальной политики понимать «семантическое поле, в котором концепции, язык, идеи, дискурсы и нарративы связаны между собой в непрерывной борьбе по вопросам социальных программ» [1; 6].

В главах данного исследования авторы в первую очередь рассматривают историю концепции «государства всеобщего благосостояния». Анализируются и смежные концепции, такие как «социальная защита» (social security) и «общество всеобщего благосостояния» (welfare society). Подавляющее большинство концепций социальной политики имеют западноевропейское происхождение, и коллективное исследование

показывает, что многие понятия, связанные с социальным обеспечением, относятся к внутренней политике Германии XIX века, в то время как сам термин «welfare» («социальное обеспечение» или благосостояние) происходит от древненорвежского «velferd». В книге подробно описывается, каким образом на формирование языка влияла политика стран, исторический контекст и взгляд на значение социальных программ. К примеру, в конце XIX века в Дании и Швеции помощь социально незащищенным гражданам оказывалась не столько государством, сколько филантропами, общественными и религиозными организациями. Это привело к появлению эмоционально окрашенных терминов — «акты милосердия и сострадания» или «благотворные дела» (Kærlighedsgerninger в Дании и kärlekshandlingar в Швеции), «забота» (omsorg) «дома» (hjemmet, hemmet) и т.д. Уже в 1920—1940-е годы, когда государство в этих странах начало играть главную роль в сфере социальной политики, ключевые концепции стали основываться на таких понятиях как «социальные права» и «народ» (folk), а «политика социального обеспечения» стала распространенным термином [1; 15—18]. После Второй мировой войны в странах «западного блока» получили развитие концепции «государства всеобщего благосостояния» и социальной защиты (social security), нередко выступавшие в качестве альтернатив социализму. Несмотря на то, что этот период, продлившийся до 1970-х годов, считается временем расцвета государств всеобщего благосостояния, в книге приводятся многочисленные примеры негативной коннотации этого термина, а также периоды, когда даже социал-демократические партии избегали его использования. Семидесятые годы XX века связаны с кризисом концепции государства всеобщего благосостояния и началом международного перехода к неолиберальной политике и риторике. В это время на язык начинают оказывать влияние идеи конкурентоспособности, стимулов для работы, приватизации социальных услуг, а также свободного выбора граждан и ограничения государственного вмешательства. В результате сформировались концепции, основанные на рыночной риторике. В социальную политику

были внедрены такие термины как «потребители услуг», «активизация населения», «социальные инвестиции» и «flexicurity»¹. На международной арене стали продвигаться идеи «модернизации» и «развития» более бедных стран. На смену «государству всеобщего благосостояния» (welfare state) пришло «общество благосостояния» (welfare society), — на практике этот переход подразумевал уменьшение социальных обязательств государства. Благодаря глобализации, интеграционным процессам и деятельности международных организаций увеличилась интенсивность обмена идеями, произошло сближение дискурсов.

В рамках данного коллективного исследования авторы пришли к ряду выводов. Было подтверждено, что язык социальной политики развивался в тесной связи с политическими событиями и во многом определялся именно государственными институтами. В качестве политических факторов, повлиявших на трансформацию языка и концепций социальной политики, анализируются революции и перевороты, соперничество политических сил внутри государств, отношения между странами Британского Содружества, а также холодная война и сопутствующие ей антикоммунистическая или антикапиталистическая риторика.

Благодаря изучению языка социальной политики государств и организаций было обнаружено, что одинаковые термины имели различное значение в разных государствах и в разные периоды. При этом одно из наиболее стабильных значений «государства всеобщего благосостояния» было обнаружено в Германии («Sozialstaat»). Наиболее «плавные» трансформации просматриваются в государствах, которые были изначально преданы идеям государства всеобщего благосостояния и избежали революционных потрясений. В них развитие языка социальной политики происходило

¹ Термин «flexicurity» произошел от соединения слов «flexibility» (гибкость) и «security» (безопасность) и означает баланс гарантий занятости и гибкости рынка труда. Данный термин впервые был использован в 1990-е годы в Дании и Голландии, а во второй половине 2000-х он вошел в обиход ЕС и ОЭСР. С точки зрения Ж. К. Барбье, в Голландии и Дании эта концепция была результативной, поскольку была направлена на решение конкретных проблем, в то время как в международных организациях «flexicurity» превратилось в «дежурное слово», понимаемое экспертами и чиновниками по-разному [1; 69–71].

посредством эволюции смыслов и наслаивания новых концепций на старые. Это, прежде всего, относится к Северным странам (главы 1 и 8). Гораздо более сложный путь прошел язык социальной политики стран «восточного блока» (глава 2), в которых несколько раз происходила смена курса социального развития, а также в странах Азии (главы 10 и 11), которые неоднократно меняли отношение к западной концепции «государства всеобщего благосостояния». В большинстве западных стран понятие «государства всеобщего благосостояния» трактовалось (чаще всего социал-демократами) либо как положительный вектор развития страны, либо как отрицательный. В последнем случае критиковалось чрезмерное вмешательство государства и воспитание пассивного общества. Интересно, что в таких странах как Польша, Венгрия, Япония и Корея можно найти еще одно распространенное значение этого понятия — государство всеобщего благосостояния как идеал развития общества, который может быть реализован только после достижения необходимых экономических показателей в будущем. Представляется, что эта трактовка применяется и в нашей стране.

В последней главе книги авторы указали на три важных аспекта, которые необходимо учитывать при дальнейшем изучении этой проблематики:

(1) Концепции первостепенной и второстепенной значимости групп, получающих социальную помощь. Так, ни одно государство не избежало деления групп граждан на «заслуживающих» и «не заслуживающих» социальной поддержки. При описании второй группы граждан нередко использовались концепции «социального паразитизма» и «культуры зависимости» (dependency culture). Очень часто на восприятие этих групп влияла гендерная и этническая принадлежность, этот момент наиболее подробно расписан в главах, посвященных США (глава 15) и Новой Зеландии (глава 13). Отчасти этому дискурсу противостояла французская концепция «солидарности» (solidarité).

(2) Национальные и транснациональные закономерности развития языка социальной политики. В представленной книге рассказывается, что именно Германия в XIX веке стала эпицентром развития социальной политики в Европе и за ее пределами. При Отто фон Бисмарке в ней впервые были введены программы социальной помощи, которые оказали влияние не только на политику близлежащих стран, таких как Венгрия и Дания, но и на более отдаленные государства, например, Японию. На развитие скандинавских идей социальной политики оказали влияние британские концепции, в свою очередь, при разработке своей системы социальной помощи Финляндия равнялась на страны Скандинавии. На международное представление о государстве всеобщего благосостояния повлияло создание и распространение понятия «Северная модель» (Nordic Model), сочетающего элементы экономического развития, равенства, социального прогресса и значительного вмешательства государства в распределение социальных благ. В книге также описывается роль США и Франции в популяризации концепции «социальной защиты» (social security, *sécurité sociale*). Международные организации содействовали распространению концепций модернизации и рыночного подхода к социальной политике, и оказывали влияние на деятельность стран-участниц. При этом авторами не отрицается и влияние дискурсов наиболее сильных государств на риторику таких организаций как ОЭСР, МВФ, Всемирный банк и ЕС.

(3) Политическая борьба за государственную власть. Авторы приходят к выводу о том, что язык социальной политики на всех уровнях формируется в результате противоборства заинтересованных сторон. Наиболее распространенными темами для общественных дискуссий было соотношение государственного и коммерческого сектора в оказании услуг, способы оказания помощи уязвимым слоям населения, вмешательство государства и сохранение независимости индивидов, преимущества универсального и точечного социального обеспечения.

Поскольку данная книга была задумана как введение в сравнительные исследования языка и концепций социальной политики, авторы дают ряд рекомендаций для продолжения исследования этой проблематики. В частности, они призывают к дальнейшему изучению множественных значений популярных концепций социальной политики. Авторы считают целесообразным продолжить исследование центров и периферий возникновения новых терминов, а также анализ структур, влияющих на распространение языка и идей. Еще одним предложением является изучение языка социальной политики развивающихся государств и стран третьего мира. Наконец, авторы предлагают обратить большее внимание на связь языка социальной политики и стойких форм этнического, гендерного и полового неравенства. Авторы призывают к сочетанию количественных и качественных методов в изучении социальных концепций и языка.

Следует заметить, что представленная книга не лишена небольших недочетов. Как и во многих других коллективных монографиях, в ней наблюдается относительная неоднородность в выборе методов и смысловом наполнении глав. В некоторых главах большее внимание уделяется вопросам языка и семантики, а в некоторых превалирует подход с точки зрения истории идей. В главах практически не указываются теоретические источники, лишь изредка исследователи ссылаются на работы таких авторов как П. Бурдье, М. Фуко или Б. Андерсон. Главы, посвященные языку социальной политики в Великобритании (глава 6) и ЕС (глава 3), отличаются критической направленностью. В них, соответственно, развенчивается миф о золотом веке «государства всеобщего благосостояния» в Великобритании, а также описываются безуспешные попытки создания языка социальной политики ЕС. В некоторых главах превалирует описание концепций, развитию которых не уделяется столь большое внимание в других главах. К примеру, в главе, посвященной Финляндии (глава 8), значительно большее внимание уделяется концепции «общества» (yhteiskunta), чем в других главах. В разделе, изучающем язык социальной политики США (глава 15),

гендерные и расовые проблемы освещаются гораздо более содержательно, чем в других главах. В то же время, благодаря этому разнообразию, книга становится более легкой для восприятия, в особенности, для читателя, только начинающего изучение социальной политики. Можно также представить, что выбор единой теории и более строгий анализ одних и тех же концепций могли бы воспрепятствовать раскрытию уникальности каждого примера.

Гораздо более неоднозначным моментом, который нельзя не учитывать, является сложность самого изучаемого предмета, а именно языков, на которых сформулированы концепции. Поскольку анализ и разъяснение концепций осуществляются на английском языке, это накладывает особый отпечаток, как на исследования, так и на распространение дискурса в мире. В главе, посвященной языкам социальной политики в ЕС, Жан-Клод Барбье указывает на тот факт, что при переводе политических терминов и программ на «европейский английский» теряются значительные нюансы. Он приводит пример двух датских социальных программ раннего выхода на пенсию – *fortidspension* и *efterløn*. В документации международных организаций обе программы переводятся на английский как «early retirement», т.е. досрочный выход на пенсию. При этом эти программы имеют существенное различие: *fortidspension* буквально переводится как «ранняя пенсия», она распространяется на людей, потерявших трудоспособность, а *efterløn* состоит из слов «позже» и «зарплата», эта программа предполагает ранний запланированный выход на пенсию для работников с высокой интенсивностью труда [1; 67]. При этом датский и английский языки относятся к одной языковой группе, и, казалось бы, искажения между ними должны быть минимальными по сравнению с более далекими языками.

В заключение стоит сказать, что рецензируемая книга представляет собой успешное масштабное сравнительное исследование, посвященное политической роли идей и языка в управлении обществом. В данной рецензии оцениваются лишь общие закономерности и выводы, к которым

пришли авторы, однако книга особенно интересна своими деталями и уникальными подходами к каждому изучаемому примеру. Она может быть интересна ученым, студентам вузов, изучающим общественные науки, а также людям, интересующимся и занимающимся социальной политикой.

Статья подготовлена при выполнении проекта в рамках государственного задания Министерства образования и науки России 30.207.2016/НМ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Analysing social policy concepts and language. Comparative and Transnational Perspectives, Ed. by D. Béland, K. Petersen. Bristol: Policy Press, 2015. 327 p.